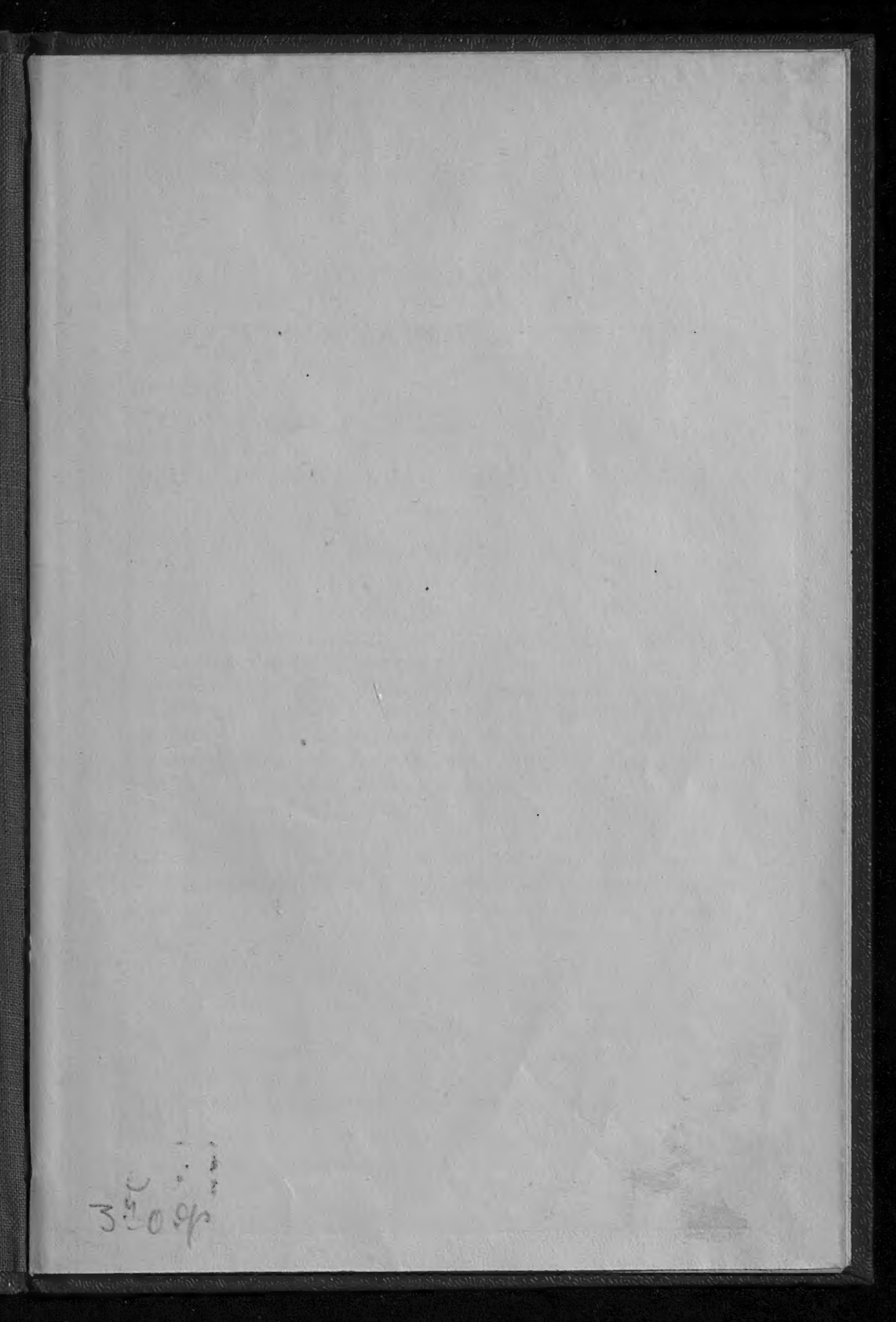
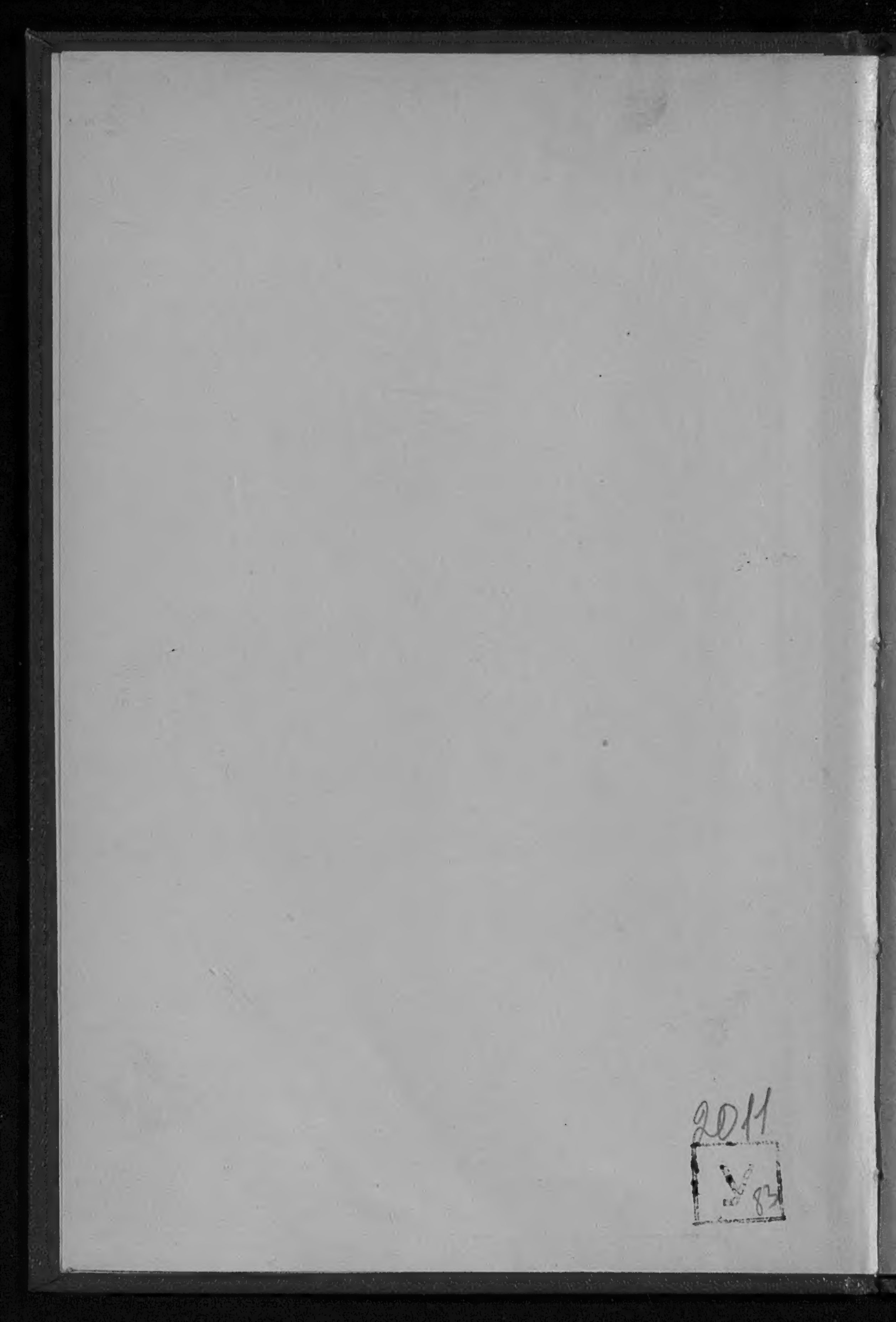

гомановъ ЗА ЧТО СТАРИКА ОБИДѢЛИ
И КТО ЕГО ОБИЖАЕТЪ

2011

Sur l'Affaire Sassoulitche — Trepoff.

par

M. Dragomanow.

ЗА ЧТО СТАРИКА ОБИДѢЛИ

и

КТО ЕГО ОБИЖАЕТЪ?!

(РАЗМЫШЛЕНІЯ ПО ДѢЛУ ТРЕПОВА).

(Изъ «Общины» №№ 3 и 4).

Двѣ недѣли читалъ я русскія, французскія, англійскія, нѣмецкія, польскія газетныя разсужденія о дѣлѣ Засуличевой. Русскія газеты ликуютъ, французскія ворчатъ, нѣмецкія и англійскія разсуждаютъ; ,,Neue Freie Presse'' видитъ въ приговорѣ петербургскихъ присяжныхъ мані, факель, фаресъ самодержавію; ,,Dziennik Poznanski'' и радъ этому „своего рода разрушенію Бастиліи," и боится, что „это оправданіе убійства" развяжетъ руки нигилистамъ и доведетъ Россію до козачества. Начитался я всего этого и въ концѣ концовъ не могу не сказать: все это прекрасно, оправданіе Засуличевой дѣйствительно своего рода разрушеніе Бастиліи.— Если такъ, то и Александровъ, пожалуй, выйдетъ своего рода Камиль Демуленъ! Оно, конечно, о его рѣчи можно бы многое сказать, но вѣдь побѣдителя не судятъ. А потому пусть онъ будетъ нашъ Камиль Демуленъ. Но все же за что же и старика Трепова очень уже обижать?! Да и кто его обижаетъ?! Пулю Засуличевой, конечно, онъ заслужилъ вполнѣ,— но шишки то на него и только на него одного валятся со всѣхъ сторонъ право уже въ слишкомъ большомъ

количествѣ, и громы, которые въ него летятъ изъ петербургскихъ газетъ,—громы совсѣмъ не изъ тучи......

За что, въ самомъ дѣлѣ, старика обидѣли? То есть прежде всего: за что его Александръ Николаевичъ обидѣлъ? Зачѣмъ его подъ судъ присяжныхъ отдалъ? Вѣдь это его судили 31 марта, а совсѣмъ не Засуличеву: всѣ такъ это и поняли, и въ Россіи, и въ Европѣ. Такъ зачѣмъ же, за что же это позволилъ Александръ Николаевичъ?! За то, что Треповъ высѣкъ Боголюбова?! Господи, боже мой! Да вѣдь мало ли сѣкли, мало ли сѣкутъ на святой Руси, мало ли безъ розогъ мучатъ хоть бы тѣхъ же Боголюбовыхъ такъ же жестоко, такъ же беззаконно?! А наконецъ, вѣдь Треповъ высѣкъ Боголюбова еще прошлымъ лѣтомъ, — отчего же подъ судъ его отдали только послѣ того, какъ его обвинила пуля Засуличевой? Положимъ, самодержецъ всегда въ нѣкоторомъ родѣ малолѣтокъ,— и мы охотно вѣримъ, что Александръ Николаевичъ, созерцая за Дунаемъ, какъ его братецъ, архистратигъ Николай, не умѣетъ бить турокъ и какъ его слуги умѣютъ обкрадывать солдатъ,—могъ не знать всѣхъ подробностей подвига своего стараго тѣлохранителя. Но вѣдь въ общихъ чертахъ онъ долженъ же былъ знать провинность Трепова, и, конечно, рѣшилъ, что Треповъ въ своемъ родѣ тоже „вышелъ изъ законности, чтобы вступить въ право,“ — и что въ Римъ, т. е. къ истребленію „нигилизма,“ который такъ не къ стати портитъ карьеру внутренняго и внѣшняго царя освободителя,—всѣ дороги ведутъ одинаково. Вѣдь не вѣруй Треповъ въ этотъ догматъ, — подумайте, сталъ ли бы онъ, въ самомъ дѣлѣ, сѣчь Боголюбова, да еще нѣкоторымъ образомъ въ чужомъ дворѣ, у гр. Палена,— сталъ ли бы онъ скандализировать карьеру майора Курнѣева, безспорно проявившаго и въ день достопамятнаго сѣченія, и въ день еще болѣе достопамятнаго выстрѣла таланты Цербера, столь необходимые для „спасенія общества“ и въ будущія времена. Конечно, не сталъ бы! Такъ за что же его, стараго служаку, обидѣли? Неужто за то только, что Вѣра Засуличева въ него выстрѣлила?

Главнымъ образомъ, конечно, только за то! Въ этомъ не только нельзя сомнѣваться, но это, о ч е в и д н о, н а-

до принять къ свѣдѣнію. Самооборона, воздаяніе „око за око, зубъ за зубъ,“—все это вещи, которыя неудобно прятать за ширму. А тутъ еще этотъ проклятый Константинополь, съ этими проклятыми „turkish atrocitys:“ чуть что,—сейчасъ и скажутъ: „однако, братъ, и у тебя рыльце въ пушку?!“ Ну, не будь еще этого проклятаго выстрѣла,—какъ-нибудь бы и спряталъ этотъ пушокъ, тѣмъ болѣе, что и Европа, имѣя свой пушокъ на бородѣ, не очень то много говорила объ „atrocity,“ устроенной генераломъ Треповымъ съ майоромъ Курнѣевымъ надъ политическими преступниками, или, короче—„нигилистами.“ Но выстрѣлъ плюсъ Константинополь оказались величинами, неудобоспрятываемыми даже и для всероссійской императорской занавѣски. И пришлось судить Засуличеву судомъ присяжныхъ, а не экстерным судомъ, который бы, конечно, повернулъ дѣло иначе.

Ну, опять таки, кто же думалъ, что ее оправдаютъ! Думалось, что „присяжные поймутъ деликатность положенія, оцѣнятъ предупредительность правительства, покажутъ, что имъ можно безопасно для всѣхъ существующихъ порядковъ—читай: помпадуровъ—довѣрить судъ въ подобныхъ дѣлахъ“... ну, какъ тамъ это говорится въ умѣренно либеральныхъ газетахъ?! Думалось, что присяжные скажутъ: „виновна, но съ смягчающими обстоятельствами,“ а судъ приговоритъ на 5—6 лѣтъ каторги,—милостивый монархъ уменьшитъ срокъ на годъ—два, и всѣ возликуютъ: и дешево, и сердито!

Всѣ эти соображенія, конечно, уменьшаютъ вину Александра Николаевича передъ старикомъ, но не снимаютъ ее совсѣмъ. Чѣмъ онъ, старикъ, въ самомъ дѣлѣ, виноватъ, что Александръ Николаевичъ вздумалъ болгаръ освобождать какъ разъ въ то время, когда онъ видѣлъ необходимость нигилистовъ посѣчь? Вѣдь ему же не сказано было Александромъ Николаевичемъ передъ отъѣздомъ, что „теперь, братъ, на это самое время, пока я болгаръ буду освобождать, все это надо оставить!“ А еще болѣе: чѣмъ онъ старикъ виноватъ, что въ него стрѣляли? Вѣдь въ другихъ же не стрѣлялъ никто!

Вотъ графъ Паленъ, напр., съ Жихаревымъ, Желехов-

скимъ, Потаповымъ. Они никого не высѣкли, такъ вѣдь, во первыхъ, повода не было, а во вторыхъ, почему же это только за сѣченіе стрѣляютъ? А аресты сотнями „всѣхъ подозрѣваемыхъ лицъ,“ а замариваніе въ тюрьмахъ людей, которыхъ даже исключительный судъ долженъ былъ признать невиновными, — замариваніе единственно „для оттѣненія виновности другихъ,“ какъ, говорятъ, очень мило выразился прокуроръ Желеховскій? Чѣмъ это лучше сѣченія? И однакожъ все это сошло и безъ выстрѣла, и безъ суда. За что-жь одного старика Трепова обидѣли и выстрѣломъ, и гласнымъ судомъ присяжныхъ?! Ужь если на то пошло, если уже Константинополь не позволялъ расправиться съ Засуличевой по домашнему, если нельзя было выдать такой указъ, по которому ее бы судили сенаторъ Петерсъ съ одесскимъ головой Новосельскимъ, такъ Александръ Николаевичъ развѣ не могъ бы устроить какой-нибудь Соломоновъ судъ; сказать Засуличевой: „иди и не грѣши!“ — а Трепову: „усердствуй да оглядывайся!“ Это тѣмъ болѣе легко можно было сдѣлать, что изъ „порядочныхъ людей“ никто собственно и не разсчитывалъ на то, что дѣло будутъ судить присяжные (мы на то имѣемъ доказательство въ тонѣ, какимъ говорили объ немъ сначала газеты), а „нигилисты“ все равно никакихъ судовъ не признаютъ.

Дальше говорятъ: дѣло было не въ выстрѣлѣ, а въ произвольномъ сѣченіи Боголюбова и въ несчастной судьбѣ Засуличевой:—въ ея произвольномъ арестѣ по дѣлу Нечаева, а потомъ въ административной ссылкѣ. Прекрасно: только Треповъ все таки при чемъ? Вотъ, напр., „Биржевыя Вѣдомости“ заявляютъ, что „устами г. Кони, предсѣдателя суда 31 марта, говорила сама Ѳемида,“ хотя эта Ѳемида пускалась въ мелкія ябедки; напр., пробовала ловить Засуличеву на противорѣчіяхъ и тѣмъ показала, что она не даромъ была въ прокурорахъ и строчила циркуляры для гр. Палена. Такъ вотъ, знаете ли, что эта Ѳемида-Кони виновна въ судьбѣ Засуличевой гораздо больше Трепова, который, собственно, въ ней совсѣмъ не виновенъ. Вѣдь г. Кони съ сенаторомъ Чемодуровымъ, съ „гуманнымъ и просвѣщеннымъ прокуроромъ Стадольскимъ“ и др. былъ однимъ изъ участниковъ той коммиссіи, которая производила слѣдствіе

по дѣлу Нечаева, а слѣдовательно былъ причастенъ къ незаслуженнымъ бѣдствіямъ Засуличевой. И вѣдь опять таки во всѣхъ этихъ господъ, равно какъ и въ гр. Шувалова, Потапова и др., которые посылали Засуличеву изъ города въ городъ въ ссылку, никто не стрѣлялъ, ихъ никто не судилъ. А чего добраго, они еще апплодировали оправданію Засуличевой.

Какъ хотите, а это и несправедливо, и непослѣдовательно! Но ужь что всего несправедливѣе и непослѣдовательнѣе, такъ это крики и намеки петербургскихъ газетъ по поводу суда надъ ген. Треповымъ.

Конечно, не кричать имъ нельзя, когда публика кричитъ, когда „средній петербургскій человѣкъ“ сказалъ: „да, Треповъ виновенъ!“ Иначе публика не стала бы покупать ихъ. Но вѣдь нужно же и честь знать. Что, въ самомъ дѣлѣ: Треповы, Потаповы, Шуваловы,—со вчерашняго дня что ли стали расправляться надъ нашимъ братомъ? Почему же вы молчали прежде, да еще панигирики имъ писали даже сейчасъ же послѣ выстрѣла Засуличевой? Очевидно, потому только, что никакъ не ожидали, что дѣло приметъ такой оборотъ. Вотъ, напр., одна изъ газетъ, „С.-Петербургскія Вѣдомости,“ изобразила планъ храма святыя Софіи-премудрости санктпетербургской, т. е. домъ градоначальника, въ которомъ „произошло необыкновенное, ужасное событіе:—меткая и злая пуля сразила почтеннаго годами и дѣятельностью человѣка“ (№25). Положимъ, статью эту въ академическую газету писалъ полицейскій, можетъ быть, самъ Церберъ-Курнѣевъ, потому что, кромѣ плана и всякихъ подробностей, которыя могъ написать только очевидецъ, мы видимъ въ статьѣ опущеніе такой подробности, какъ душеніе Курнѣевымъ Засуличевой, вмѣсто коего видимъ трогательное описаніе, какъ Курнѣевъ бросился на помощь градоначальнику. Но вѣдь редакторы все же не полицейскіе, — да и не маленькіе. Они вѣдь напечатали эти словечки: „почтенный дѣятельностью человѣкъ“—уже послѣ сѣченія Боголюбова, о которомъ они, конечно, прекрасно знали. Послушайте же, какъ теперь они докладываютъ объ этомъ почтенномъ человѣкѣ: „Но что на судѣ болѣе всего повліяло на присяжныхъ и на присутствующихъ, — такъ это разслѣдо-

ваніе дѣла о высѣченіи, по приказанію генер. адъютанта Трепова, Боголюбова. Подробности были отталкивающія.*) Перспектива розогъ, какъ помостъ къ плетямъ, кнутамъ и шпицрутенамъ, и при томъ основаннымъ на произволѣ, возбудила самое непріязненное чувство. Въ добавокъ надо замѣтить, что полицейскіе чины, вызванные, какъ свидѣтели, давали показанія неполныя и отрывочныя (показаніе Курнѣева), что тоже произвело невыгодное впечатлѣніе.“ (№90).

Вотъ вамъ и память о своихъ словахъ, вотъ вамъ и благодарность къ сотрудникамъ изъ полицейскихъ!

Другая газета, ужь, право, не знаемъ, оффиціозная ли, или добровольская, — „Голосъ,“ — шумитъ теперь еще болѣе: ея фельетонисту, тому самому, что подписывался редакторомъ „Гражданина“ въ то время, когда сей почтенный журналъ предлагалъ точку въ реформахъ поставить,— такъ даже чудится, что „его самого, всѣхъ насъ судили“ 31 марта. Ген. Треповъ у него приравнивается къ башибузукамъ, точно въ женевской брошюрѣ, Засуличева же оказывается „недюжинная душа.“ Фельетонистъ „хочетъ вѣрить, что дѣло ея оставитъ слѣдъ въ нашей внутренней жизни.“

А вотъ послушайте, что писалось въ томъ же самомъ „Голосѣ” 29 Января: „Ѳ. Ѳ. Треповъ — имя популярное въ народѣ,“—разсуждалось въ томъ же самомъ мѣстѣ газеты, и приводились въ подтвержденіе толки, будто бы слышанные фельетонистомъ и будто бы народные: „Мало ей, похитительницѣ, жилы вырвать!“—Послѣ сего слѣдовали таковыя мысли въ слухъ: „О, если бы слышала эта несчастная, поднявшая руку на этого „легкаго“ старика, умѣвшаго такъ заручить за собою симпатіи народныя! Каковы бы ни были побужденія, вооружившія эту руку, какою бы непереносимою ни могла казаться (только казаться!) обида, на отмщеніе которой вооружилась она, — совершенному ею кровавому дѣлу нѣтъ извиненія! Ужасна та отравленная нравственная атмосфера,

---

*) А сѣченіе безъ „подробностей“—ничего?! Только какъ же это сѣчь безъ „подробностей?“

въ которой наростаютъ и созрѣваютъ подобные замыслы, изъ которой идутъ люди на такія дѣянія."

Правда, подъ однимъ „Листкомъ" подписано Волна, а подъ другимъ Г. Градовскій (Гамма). Но вѣдь редакція все-таки одна,— да и гдѣ такой Гельмгольцъ, который бы уловилъ законы звуковыхъ волнъ и гаммъ „Голоса" и ему подобныхъ органовъ русской печати! Кончала же и Гамма свои волны точкой, издѣвалась же и она „надъ тою средою, откуда выходятъ Боголюбовы." Такъ зачѣмъ же эти господа, эти „Голоса" теперь обижаютъ бѣднаго старика?!

Можетъ быть, впрочемъ, они прозрѣли теперь. — Это, конечно, въ ихъ возрастѣ нѣсколько удивительно, — но бываетъ! — Только нѣтъ! Приглядитесь поближе къ ихъ либеральничанію по поводу приговора 31 марта, и вы увидите, что горбатаго отъ холопскихъ согбеній только могила исправитъ и что эти господа не поняли ни на волосъ истиннаго смысла этого приговора и волненія, которое онъ произвелъ въ обществѣ.

Академическая газета сейчасъ же послѣ выписанныхъ выше словъ размышляетъ: „Пока будетъ существовать государство и общество, до тѣхъ поръ будутъ существовать и политическія преступленія и такъ называемая административная ссылка (такъ называемая?! — а какъ же ей еще называться?). Но весьма желательно, чтобъ не было закулисной стороны ни для политическихъ преступленій, ни для административной ссылки, иначе мы будемъ свидѣтелями такихъ анормальныхъ и невозможныхъ явленій, которыхъ образцомъ служитъ все дѣло Засуличъ съ ея арестомъ, административною ссылкою (а сѣченіе?), выстрѣломъ въ г. а. Трепова и, наконецъ, оправданіемъ на судѣ." И такъ „оправданіе" — тоже „невозможное явленіе," — а „сѣченіе," вѣроятно, — „возможное," только бы оно было „не закулисное?!" Вѣдь, по вашему, и административная ссылка всегда будетъ, „пока будутъ существовать государство и общество,"—хоть есть уже и теперь государства, гдѣ нѣтъ ничего подобнаго „административной ссылкѣ," да и въ одномъ изъ вашихъ же законовъ написано, что никто не можетъ быть наказанъ безъ приговора суда. И что же такое „закулисная сторона," какъ не админи-

стративная расправа безъ суда? Интересно бы было посмотрѣть, какъ это будутъ губернаторы, шефы жандармовъ, министры внутреннихъ дѣлъ не за кулисами, а передъ кулисами, и нормально, а не анормально, ссылать людей въ мѣста, куда Макаръ телятъ гоняетъ,—и какое будетъ отъ этого облегченіе для обывателей!

Очевидно, органъ министерства народнаго просвѣщенія зарапортовался, и ничего не понялъ въ приговорѣ 31 Марта, и вообще мало смыслитъ въ порядкахъ не только общественныхъ, но и государственныхъ. Но и другіе собраты его не далеко ушли.

Вотъ „Голосъ" и въ самомъ фельтонѣ г. Градовскаго глаголетъ: „Намъ даны законы, уставы, положенія,—созданы учрежденія, но кто же ихъ не соблюдаетъ, кто прямо и косвенно потворствуетъ разладу между словомъ и дѣломъ?" — Да никто же, — отвѣчаемъ мы, — какъ тѣ же законы, уставы, положенія, учрежденія, которыя намъ даны; никто, какъ тотъ же, кто ихъ намъ даетъ! Развѣ административная ссылка — не положеніе? развѣ III Отдѣленіе—не учрежденіе? развѣ воля самодержца—не законъ? развѣ Треповъ и Потаповъ—не руки самодержца?! А если онъ и надавалъ вамъ полуреформъ, — такъ вѣдь онъ же не клялся, что „не будетъ разницы между словомъ и дѣломъ;" а если бы и клялся, такъ клятва его была бы только словомъ. О чемъ же тутъ и разговаривать?

„Московскія Вѣдомости," этотъ едва ли не единственный, послѣ прекращенія газеты Аскоченскаго, послѣдовательный органъ въ русской столичной печати, заявили, что приговоръ 31 марта—„скандалъ," а тѣ, кто одобрялъ его, „бунтовщики и измѣнники бѣлаго царя." И, конечно, „Московскія Вѣдомости" прекрасно поняли и смыслъ приговора, и отношеніе къ нему публики. Весьма можетъ быть, что присяжные 31 марта—преискренные монархисты и о послѣдствіяхъ своего приговора и не думали. Судъ присяжныхъ тѣмъ и хорошъ, что не даетъ много думать да оглядываться, а судитъ по первому впечатлѣнію фактовъ, которое, какъ извѣстно, всегда почти бываетъ хорошимъ. Но тѣмъ не менѣе всетаки приговоръ 31 марта былъ

приговоръ надъ цѣлой системой, безъ которой и все это событіе невозможно. А система эта всетаки — бѣлый царь.

„Голосъ,“ отвѣчая „Московскимъ Вѣдомостямъ,“ отрекается отъ всѣхъ своихъ либеральныхъ намековъ, когда присягаетъ: „мы не бунтовали, мы не измѣнники бѣлаго царя!“ — и, очевидно, не понимаетъ даже самого себя, когда говоритъ: „Никому въ мысль не приходило оправдывать покушеніе на убійство. Напротивъ, всѣ, бывшіе на судѣ, непосредственно ознакомившіеся съ подробностями дѣла, искренно пожалѣли о существованіи причинъ, вызывающихъ столь прискорбныя послѣдствія.“

Да вѣдь данное „покушеніе,“ покушеніе-то Вѣры Засуличевой, есть не покушеніе на убійство вообще, а отвѣтъ на дѣяніе Трепова въ частности, и безъ него не мыслимо. Одно изъ двухъ: — оправдываете ли вы дѣяніе Трепова или не оправдываете? И сообразно съ отвѣтомъ на этотъ вопросъ вы можете отвѣчать и на вопросъ: оправдываете ли вы покушеніе В. Засуличевой или не оправдываете? А дальше, — какія же „причины, вызывающія столь прискорбныя послѣдствія,“ какъ арестъ и ссылка Засуличевой, — какія же причины, какъ не „бѣлое царство?“ Даже причина персональныхъ дѣяній Трепова и причина выстрѣла въ него есть все-таки персонально же „нынѣ благополучно царствующій бѣлый царь.“ Онъ поставилъ Трепова, онъ „даде ему область сыномъ божіимъ въ Петроградѣ быти,“ онъ оставилъ его безнаказаннымъ до сихъ поръ; III Отдѣленіе его собственной канцеляріи не пустило на судъ 31 марта свидѣтелей Купріянова и Волховскаго, которые могли бы поразсказать вещи, далеко оставляющія за собою все то, что слышали люди на этомъ судѣ. Что же онъ, въ самомъ дѣлѣ, малолѣтокъ, что ли, этотъ бѣлый царь-реформаторъ, если онъ не знаетъ и не хочетъ знать того, что дѣлаютъ его правыя руки, если онъ не въ состояніи понять причинъ всего того, что дѣлается въ его царствѣ?! . . . . .

Если же онъ въ самомъ дѣлѣ малолѣтокъ, такъ будетъ ему разыгрывать роль „главы великаго народа,“ а пусть онъ шелъ бы редакторствовать въ „Голосъ“ или въ „Но-

вое Время.“ Вотъ и это „Новое Время“ тотчасъ послѣ приговора 31 марта пустилось увѣрять, что это приговоръ не „противъ государства, а за государство.“

То есть, позвольте, за какое же это государство? За Volksstaat Бебеля? за Соединенные ли Сѣвероамериканскіе Штаты? за Англійскую ли конституціонную монархію, или за государство Александра Николаевича?! Судъ 31 марта былъ въ Россіи, а въ Россіи мы знаемъ одно государство — государство самодержавнаго Александра Николаевича съ самодержавными Треповымъ, Потаповымъ, съ самодержавными жандармами, которые били женщинъ, провожавшихъ Засуличеву, съ тѣми жандармами, которые хотѣли ее арестовать послѣ оправданія судомъ и могли бы ее отправить въ ссылку, если бы она не ушла. Государство Александра Николаевича высочайше повелѣло „совершенно прекратить изданіе“ газеты, осмѣлившейся напечатать скромнѣйшее письмо Засуличевой, въ которомъ она выражала готовность подчиниться суду, но не административному произволу. Это государство наконецъ установило то министерство внутреннихъ дѣлъ, которое запретило розничную продажу самому „Новому Времени“ за „распространеніе ложныхъ извѣстій,“ т. е. собственно за сообщеніе части правды о томъ, какъ полиція била публику. Такъ вотъ редакція „Новаго Времени“ вовсе не противъ такого государства, а за него! Такъ противъ чего же она?!

Защищая петербургское „избранное общество“ отъ обвиненій „Московскихъ Вѣдомостей“ въ измѣнѣ и упоминая о „явленіяхъ,“ совершающихся въ одно время въ Одессѣ, Кіевѣ, Петербургѣ, Москвѣ, „Новое Время“ опять бормочетъ: „Эти явленія не угрожаютъ нисколько государственной власти, не ослабляютъ ея силы и значенія. Но они указываютъ на болѣзненные симптомы нашего организма, вызывающіе необходимость леченія, а не кары. Какія средства нужны для леченія, — это другой вопросъ, но несомнѣнно, что не взаимными пререканіями, упреками и обвиненіями можно подвинуться къ его спокойному и разумному разрѣшенію.“

Несомнѣнно, что „не взаимными пререканіями“ и проч., хотя — какъ же это вы избѣгнете и пререканій между „из-

мѣнниками и слугами бѣлаго царя?“ Но еще несомнѣннѣе, что бормотаньемъ, да еще лакейскимъ, не поможешь Россіи въ настоящемъ кризисѣ. Что это за слова: „болѣзненные симптомы, леченіе“ и и т. п.? Кто боленъ, или, если ужь говорить по вашему, чѣмъ больше больна Россія — Треповымъ съ Александромъ Николаевичемъ, или Боголюбовымъ съ Засуличевою? Какъ ее лечить? Вѣдь кто-нибудь, пожалуй, сведетъ леченіе на холодную воду, а то и на розги, или на латинскія спряженія, которыя прописали же Россіи Леонтьевъ и гр. Толстой послѣ Каракозова! О такихъ вещахъ надо говорить сразу и прямо, а не бормотать богъ знаетъ что и отсылать людей „до другаго вопроса.“ Впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, никакого такого „другаго вопроса“ петербургская газета не подняла. Мало того, наша статейка была уже вся набрана, когда мы получили пасхальный № „Новаго Времени,“ въ которомъ самъ „откровенный“ издатель этой газеты, возвратившись изъ Москвы, съ восторгомъ о какой то невѣдомой міру „старой московской свободѣ,“ объявилъ преоткровенно, что „пора уже забыть“ все то, что случилось въ обѣихъ столицахъ въ послѣднія горячія двѣ недѣли. Этимъ онъ поставилъ весьма явную точку на всѣ бормотанія своей газеты, и точка эта: „пора забыть“—такъ же, конечно, должна прославить ея автора, какъ и знаменитая точка гг. Мещерскаго и Градовскаго.

Но Александръ Николаевичъ не такъ забывчивъ и еще откровеннѣе, такъ что мы рѣшительно поддерживаемъ его кандидатуру въ редакторы „Новаго Времени.“ Онъ тоже поставилъ точку надъ всѣмъ случившимся въ послѣднее время, тоже снесъ и поднесъ Россіи пасхальное яичко: послѣ всего-то случившагося онъ произвелъ Трепова въ генералы отъ кавалеріи! Неправда ли: очень кавалерское обращеніе съ обществомъ? Теперь право, казалось бы, только тумбы на мостовыхъ Петербурга не поймутъ, что это самъ бѣлый царь, а не Треповъ съ Курнѣевымъ истязалъ людей въ домѣ предварительнаго заключенія!

И однакожъ, мы совсѣмъ не увѣрены, что петербургскія газеты поймутъ и эту точку бѣлаго царя и поймутъ, въ чемъ же это состоитъ „болѣзнь“ Россіи? А потому

бросимте, читатель, этихъ господъ и будемъ говорить „сами промежъ себя.“

„Кризисъ,“ который переживаетъ теперь Россія и котораго „явленія,“ случившіяся на дняхъ въ Одессѣ, Кіевѣ, Петербургѣ, Москвѣ, служатъ показателями, начался не вчера, а еще въ 1861 — 62 гг., когда стало ясно маломальски мыслящимъ людямъ, что „Царь-реформаторъ“ вовсе не думаетъ разставаться ни съ людьми, ни съ системою своего „дражайшаго родителя“ и не умѣетъ сдѣлать сколько нибудь сносно даже собственныхъ полуреформъ, начиная отъ пресловутой крестьянской реформы. Тогда уже раздались въ Россіи голоса о необходимости самому обществу взять въ руки правленіе дѣлами Россіи. Тогда же начались и тѣ явленія, съ которыми наивные люди познакомились только на процессѣ 31 марта: произвольные аресты, ссылки, даже, говорятъ, сѣченіе и пытки политическихъ преступниковъ и въ Петербургѣ, и въ Сибири. Польское возстаніе прибило начавшееся тогда движеніе среди „людей съ положеніемъ,“—и въ активной оппозиціи государству Александра Николаевича остались только немногіе люди изъ молодежи, и притомъ соціалистическаго направленія. Этимъ объясняется весь характеръ дальнѣйшаго движенія въ Россіи. По существу своему движеніе это состоитъ изъ двухъ потоковъ: общеевропейскаго, соціальнаго, и спеціально россійскаго — противусамодержавнаго. Когда въ активной оппозиціи правительству Александра II. Треповыхъ, Шуваловыхъ, Толстыхъ и т. п. осталась только соціалистическая молодежь, тогда политическая сторона движенія ослабла, была даже многими изъ нея осуждена, какъ лишняя, или даже вредная. Но соціалистическая сторона росла съ половины 60-хъ годовъ все больше и больше и выступила наружу въ цѣломъ рядѣ процессовъ послѣднихъ лѣтъ. Преслѣдованія, которымъ подвергалась въ эти годы соціалистическая молодежь въ Россіи, отличались безмѣрнымъ варварствомъ и произволомъ, тѣмъ болѣе тяжкимъ, что они направлялись противъ движенія гораздо болѣе теоретическаго, нежели практическаго, противъ дѣйствій гораздо болѣе домашнихъ, чѣмъ публичныхъ. Эти преслѣдованія, въ связи съ процессомъ дальнѣйшаго раз-

витія идей, натолкнули гонимыхъ соціалистовъ въ Россіи на новые пути и при томъ на болѣе публичныя дѣйствія, начиная съ манифестаціи на Казанской площади, т. е. со случая, который былъ первымъ звеномъ исторіи, теперь такъ волнующей публику.

Люди изъ соціалистической молодежи, которые, нужно сказать, совсѣмъ не участвовали въ такихъ практическихъ соціальныхъ, народныхъ волненіяхъ, какъ Чигиринское дѣло, возстаніе крестьянъ въ Воронежской губерніи, уральскихъ козаковъ, даже въ забастовкахъ рабочихъ столичныхъ; которые не тронули пальцемъ ни одного лорда Лейтрима, ни подрядчика или фабриканта, — выходятъ теперь на площадь съ протестомъ противъ гоненія и ссылокъ въ Сибирь, убиваютъ шпіона въ Ростовѣ, отстрѣливаются отъ жандармовъ въ Одессѣ, стрѣляютъ въ прокурора въ Кіевѣ. Дѣвушка, о политическомъ и соціальномъ образѣ мысли которой мы не имѣемъ права говорить, такъ какъ сама она не высказала его публично, — стрѣляетъ въ генерала, совершившаго произвольное истязаніе надъ Боголюбовымъ. Далѣе, шестая часть студентовъ въ Кіевѣ протестуетъ публично съ подписями противъ ареста ихъ товарища и изгоняется профессорскимъ судомъ изъ университета.*) Молодежь въ Москвѣ публично заявляетъ сочувствіе къ безъ суда ссылаемымъ за этотъ протестъ кіевскимъ студентамъ. Все это явленія разной силы и достоинства.**) Но эти явленія одинако-

*) Ну, да и умныя головы эти кіевскіе профессора! Того и гляди, что профессоръ уголовнаго права предложитъ шестую часть людей въ Россіи въ острогъ посадить, а профессоръ оперативной хирургіи начнетъ лечить вырѣзываніемъ головнаго мозга и сердца! Да чего и ждать отъ людей, которые выбрали себѣ головою такую голову и на такой шеѣ, какъ у Матвѣева, и послали его говорить со студентами въ такой горячій часъ! Если бы у нихъ дѣйствительно были на плечахъ умныя головы, то они бы должны были еще въ прошломъ году, вмѣсто лакейскаго адреса самодержцу, (подавать который вѣдь не входило же въ прямыя ихъ обязанности и говорить въ которомъ они могли отъ имени чего угодно, только не отъ «имени науки») должны были подать адресъ объ установленіи въ Россіи политической свободы. При ней, конечно, и всей этой «университетской исторіи» не было бы.

**) Нельзя же ставить въ одинъ рядъ явное сопротивленіе въ

во политическія, а не соціалистическія, хотя и вытекшія необходимо, и навѣрно, болѣе безсознательно, чѣмъ сознательно, изъ соціалистическаго движенія молодежи послѣднихъ лѣтъ. Этой молодежи слишкомъ наболѣли всѣ эти каторги, ссылки, аресты, шпіоны, прокуроры, Треповы, безмолвно сносить которыхъ значитъ потворствовать имъ. — Вотъ разгадка тѣмъ „явленіямъ,“ которыя, какъ лавина, растутъ въ послѣдніе мѣсяцы въ разныхъ углахъ Россіи. Отношеніе публики ко всѣмъ этимъ явленіямъ протеста противъ политическаго строя Россіи въ послѣдніе дни показываетъ, что движеніе на этотъ разъ уже вышло за предѣлы исключительно кружковъ людей соціалистическаго образа мыслей и учащейся молодежи.

Движеніе опять становится общественнымъ, какъ въ 1860—1863 гг., но при этомъ болѣе сознательнымъ, болѣе рѣшительнымъ и, въ добавокъ, такимъ, которое, прошедши чрезъ фазу „хожденія въ народъ,“ какъ бы это хожденіе ни было несовершенно, притянуло къ себѣ и извѣстную часть городскихъ рабочихъ. Мы видѣли, что оно ростетъ стихійно, какъ лавина, — и ростетъ не только на перекоръ преслѣдованіямъ, но ростетъ и усложняется именно подъ вліяніемъ преслѣдованій, а потому очевидно, что его никакими преслѣдованіями, ни даже мясницкими кулаками не остановишь. Вѣдь и самая московская мясницкая драка вызоветъ же разговоръ и между московскимъ „простонародьемъ“ о томъ, чего такого, въ самомъ дѣлѣ, хотятъ „студенты — измѣнники бѣлаго царя?“ — А теперь есть же люди и между рабочими, которые съумѣютъ разъяснить этотъ вопросъ. Очевидно, что сопротивленіе этому движенію сдѣлаетъ его только озлобленнѣе, кровавѣе.

Вотъ тутъ-то и является испытаніе для „среднихъ“ элементовъ въ обществѣ, которыхъ судьи произвола генер. Трепова и наши газеты хотятъ быть выразителями. Тутъ бормотаньями, да вздохами о гибели молодыхъ силъ, да ахами объ избираемыхъ протестующими средствахъ, да увѣщаніями „повременить,“ да „пообождать“ ничего не подѣ-

---

Одессѣ и такое же дѣйствіе Засуличевой съ тайнымъ убійствомъ въ Ростовѣ или покушеніемъ въ Кіевѣ.

лаешь. Минимумъ, что эти „средніе элементы“ должны бы были потребовать,— это: уничтоженіе III Отдѣленія, административной ссылки, свобода выраженія политическихъ и соціальныхъ ученій,—уничтоженіе исключительныхъ судовъ для политическихъ дѣйствій,— амнистія всѣхъ, до сихъ поръ пострадавшихъ отъ этихъ судовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченіе корня всего этого произвола, — ограниченіе царскаго произвола земскимъ соборомъ, котораго еще въ 1860 — 63 гг.. требовали Герцены, Огаревы, Бакунины, Михайловы, „Великоруссы“ и т. п. Мы не сомнѣваемся, что, если бы, напр., всѣ столичныя газеты въ одинъ день потребовали всего этого,—то правительство не посмѣло бы закрыть ихъ.

Но онѣ не рѣшаются, — а бормочутъ ни вѣсть что, столько же отъ трусости, сколько и отъ темноты въ мысляхъ,— которая, кажется, достаточно видна въ приведенныхъ выше отрывкахъ, и которая есть собственно и мать трусости. Вмѣсто ясныхъ мыслей наши наиболѣе распространенныя газеты, чтобъ какъ нибудь подладиться къ общественному движенію, лягаютъ изподтишка уже достаточно наказаннаго старика, котораго, право, не имъ бы лягать, потому уже, что онѣ еще недавно пѣли ему хвалы и лягали тѣхъ, кого онъ гналъ вмѣстѣ съ своими товарищами и своимъ господиномъ.

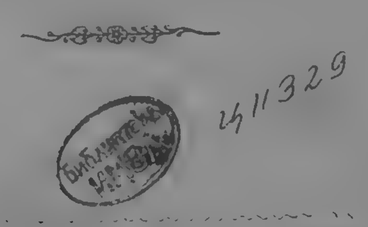
Очевидно, что пробудившееся въ обществѣ политическое движеніе должно найти себѣ другіе органы и другіе способы выраженія. Оно и найдетъ ихъ — и добьется своего. По закону вещей сдѣлаетъ это та часть общества, которая начала движеніе, которая наиболѣе страстно къ нему относится: въ данномъ случаѣ молодежь, крайніе, соціалисты. Эти послѣдніе, по видимому, весьма равнодушны къ личностямъ, къ палліативнымъ мѣрамъ, къ политическимъ формамъ. А все-таки они „закончатъ эру реформъ нынѣ благополучно царствующаго императора,“ они дадутъ Россіи и умѣренную политическую свободу. Они, эти исключенные кіевскими профессорами студенты и имъ подобные „незрѣлые юноши“ установятъ въ русскихъ университетахъ „свободу научнаго изслѣдованія,“ и при этомъ обезпечатъ даже ту мизерненькую „автономію универси-

тетскихъ совѣтовъ," т. е. напр., свободу университетской аристократіи выбирать въ ректоры Матвѣевыхъ, изъ-за которой такъ волновалось недавно наше „ученое, зрѣлое" профессорство, изъ коего даже болѣе порядочные люди такъ благоразумно прячутся въ свои норки всегда, когда въ молодежи и обществѣ, такъ или иначе, но поднимаются коренные вопросы общественнаго строя. Мало того, они, эти крайніе, обезпечатъ гг. Стадольскимъ, Кони и т. п. независимость суда, какая только возможна въ государствѣ, суда, который будетъ судить все ихъ же:—крайнихъ, соціалистовъ. Они обезпечать „Голосу," „Новому Времени" и т. п. неприкосновенность розничной продажи листковъ, которые будутъ травить все ихъ же: молодежь, крайнихъ, **соціалистовъ!**

Иронія исторіи, господа! Да что-жь ты подѣлаешь съ нею, съ этой исторіей?! Извѣстно, стихія! „Ну, и претъ! **Потому — сила. Ничего не подѣлаешь!"**

М. Драгомановъ.

23 апрѣля.

Imprimerie du «Rabotnik», 26, Montchoisy, à Genève.